

Николай Митрохин

Diego Gambetta and Steffen Hertog. Engineers of Jihad: The Curious Connection between Violent Extremism and Education. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 208 pp. ISBN 978-0-6911-4517-4.

Николай Митрохин. Адрес для переписки: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 3, 28359 Bremen, Germany. mitrokhin@uni-bremen.de.

Название книги («Инженеры джихада») очень условно отражает суть этого во многих отношениях примечательного исследования. Несмотря на то, что авторы с самого начала ставят своей задачей найти ответ на вопрос, почему среди исламских радикалов, участвующих в террористической активности, оказалось так много людей, имеющих инженерное образование, книга получилась совсем не о джихаде – фактически этому отчасти посвящена только первая глава, и говорится в ней далеко не только об инженерах. Подзаголовок работы точнее, но не полностью раскрывает ее суть. Если сформулировать максимально кратко – она о характерной для всего человечества последних 100 лет устойчивой связи полученного и даже начатого высшего образования с выбором направления политического радикализма. Книга также наглядно демонстрирует, как можно и нужно применять в современных исследованиях метод просопографии (коллективной биографии, основанной на обобщенных статистических данных), выдвигать на основе полученных данных гипотезы и проверять их, и учит как встраивать свою узкую тему в широкий и долгосрочный общественно важный контекст. Для этого авторы исследования собрали собственный массив данных на 497 исламских террористов и других активных радикалов, а также обобщили данные десятков социологических исследований, проведенных в течение последних сорока лет в таких сферах, как исследования исламского и политического радикализма, политические и ценностные ориентации студенчества и профессионалов в разных странах мира, экономическое и социальное развитие арабских стран.

В первой главе исследования (своевременно переведенной и опубликованной в интернет-журнале «Гэфтер» (Гамбетта и Хертог 2016)) авторы на основе огромного объема собранных статистических данных по исламским террористам последних десятилетий, действующим в разных странах и в составе различных группировок, делают несколько важных выводов, которые формируют основной исследовательский вопрос. Авторы убедительно доказывают, что вопреки распространенным и сформированным в своей основе участниками левых движений представлениям исламские террористы не являются «наиболее униженной» «мировым капиталом» или кем-либо еще «темной» массой. Разумеется, речь здесь не идет о массовых движениях, участвующих де-факто в гражданской войне (Афганистан, Йемен, Пакистан). Наоборот, при всей неполноте статистики среди исламских террористов оказывается значительное количество (не менее двух третей) людей с высшим образованием или тех, кто его пытался получить (с. 8–10).

При анализе профессий, которые получали террористы, выясняется, что в этом списке доминируют различные инженерные специальности, «сверхпредставленные» в нем, – 93 (или 44,7%) из 207 лиц, о чьей специализации в сфере высшего образования известно авторам книги. Для сравнения: лица, получившие образование, связанное с изучением ислама, составляют всего 18,3% от всего массива (38 случаев), а если говорить о светских специальностях, то на втором месте, с огромным отставанием – 10,1% (21 случай) – идут медики (с. 11). Диего Гамбетта и Стеффен Хертог проводят сравнение с долей инженеров среди выпускников вузов региона и находят, что количество людей с инженерным образованием в джихаде высоко и с этой точки зрения (с. 15–17). Далее авторы последовательно и несколько занудно, но очень полезно с методологической точки зрения, проверяют полученные результаты. Доказав данный факт окончательно, они начинают перебирать варианты ответов на вопрос о причинах подобной ситуации. Этому, собственно, и посвящена книга.

Первый, казалось бы, очевидный, ответ лежит на поверхности. Инженеры нужны террористическим группировкам для создания взрывных устройств и изготовления других типов вооружений. Однако авторы убедительно показывают, что, с одной стороны, инженеров в движении слишком много для подобных целей и они являются руководителями, а не исполнителями, а с другой стороны – исламские гуманитарии, вовлеченные в террористическую активность, нередко собирают по инструкциям взрывные устройства самостоятельно и даже успешнее, чем инженеры (с. 23–28).

Вторая возможная причина массового участия инженеров в джихаде выглядит более глубокой и рассматривается в отдельной главе. Авторы доказывают, что до 1970-х годов группы исламских террористов формировались преимущественно из числа исламских гуманитариев. Инженеры как профессиональная корпорация были слишком хорошо оплачиваемы и имели с начала своей работы большие карьерные перспективы. Однако бурный экономический рост в регионе МЕНА (Ближний Восток и Северная Африка), связанный с деколонизацией и общим экономическим ростом в послевоенном мире, закончился в начале 1970-х, а число студентов-инженеров, рассчитывающих на высокооплачиваемую и престижную работу, продолжало увеличиваться. Именно фрустрациями этого периода, о которых в своих выступлениях упоминают некоторые из ведущих идеологов террористического джихада, казалось бы, можно объяснить резкий интерес инженеров к исламскому радикализму, а стало быть – к терроризму (с. 34–59).

Тем не менее (и этим вопросом задаются авторы исследования) – почему собственно инженеры, понимающие важность западных технологий для развития, нередко получившие образование в западных вузах, выбрали для своей протестной активности именно исламский радикализм, а не участие в мелких и крупных левых организациях, существовавших в их странах в то же время. Более того – почему, как доказывает собранная авторами статистика, в левых организациях оказались преимущественно гуманитарии, а в организациях радикальных исламистов в основном инженеры и заметная часть юристов?

С этого, казалось бы, частного вопроса авторы начинают обширный экскурс в сферу политических предпочтений различных групп людей с высшим образова-

ем и тех, кто пытался его получить. А это в свою очередь приводит их к обобщениям, далеко выходящим за рамки избранной темы (с. 60–84).

Здесь мне придется оговориться, что термин «гуманитарии» используется в его популярном российском значении – как определение всех не естественнонаучных или технических профессий. Авторы используют более подробную и, на мой взгляд, не всегда обоснованную стратификацию, выделяя в отдельные кластеры экономические науки, юриспруденцию, историю, «гуманитарные науки» (в число которых входит, видимо, филология, журналистика, антропология и социология), творческие специальности, сферу государственного управления и социальной работы. Точно так же, помимо инженеров, они выделяют группы представителей естественных наук и медиков в отдельные категории. Однако для исследования последние не играют значительной роли.

Начав разбираться с политическими воззрениями «инженеров джихада», они быстро улавливают их значительное сходство с взглядами европейских правых радикалов. У них одна и та же любовь к порядку, те же мечты о восстановлении «потерянного рая» – царства идеальной традиции, конспирология, отсылки к одним и тем же текстам и образам (с. 85–99).

Отвечая на сформировавшийся вопрос о том, что же объединяет этих людей помимо идеологии, авторы приводят впечатляющий и весьма полезный анализ профессиональных предпочтений европейских и североамериканских правых радикалов начиная с 20-х годов XX века. Находится тут место и российским правым террористам, и наци-скинхедам, которых авторы (на мой взгляд – абсолютно справедливо) считают вторыми после ИГИЛ по опасности, жестокости и масштабам политическими убийцами в современном мире (с. 107). Мире, ограниченном рамками исследования, – скажем мы – поскольку реально воюющие исламские государства или Черная Африка, или даже Чечня эпохи Джохара Дудаева-Аслана Масхадова в исследовании не учитываются.

Собранная статистика по правым наглядно показывает доминирование инженеров (и в меньшей степени – юристов) во всех исследуемых праворадикальных движениях. Не останавливаясь на этом, авторы последовательно обследуют различные левые радикальные и террористические группировки в том же обширном географическом ареале. Они, как и в случае Ближнего Востока, также оказываются наполнены в основном гуманитариями, причем в значительной мере представителями творческих профессий и медиками.

Систематический перебор группировок и движений сначала правых, а потом левых радикалов и террористов, с обоснованием выбора каждой из них и описанием специфики проведения исследования в отношении каждого случая, безусловно, отдадут должное научной добросовестности авторов (с. 60–84, 100–127). Однако фактически этому отведена столь значительная часть книги, что после вполне динамичных по стилю изложения первых трех глав временами создается впечатление, что авторы не знали, чем еще заполнить отведенный им издательством объем. Иначе достаточно было бы свести полученные данные в таблицы, дополнить их двумя – тремя особенно важными или характерными примерами, а все прочие соображения и описания собранного материала убрать в примечания. В растянутом

же изложении подобный перебор вызывает дополнительные вопросы о том, насколько достоверны привлекаемые данные других авторов и какими критериями те пользовались для своих подсчетов: как в их случаях считалась нацистская вертушка или советские лидеры, почему нет тех же чеченцев или, например, камбоджийских «красных кхмеров» (равно как и всех левых радикалов из стран Дальнего Востока и Южной Азии), как считались послевоенные немецкие левые вооруженные подпольщики – с учетом местной компартии или нет?

Тем не менее авторы книги вполне убедительно доказали, что ориентация на радикалов с противоположными политическими взглядами принципиально зависит от профессиональной ориентации – за исключением корпорации юристов, практически в равной степени представленной и среди правых, и среди левых.

Для ответа на возникающий вследствие этого анализа ключевой вопрос о том, почему же подобное разделение имеет столь всеобъемлющий характер, авторы предлагают перейти к социологическим опросам, направленным на выявление мировоззрения и ценностей у представителей профессиональных групп» (с. 146–150).

Ответ оказывается банальным, и, казалось бы, очевидным. Инженеры по большинству показателей – не самые радикальные среди представителей «правой» части политического спектра. В массе своей они скорее консерваторы, нежели радикалы. Однако они являются сторонниками упрощенного подхода к общественно-политическим вопросам, что резко отличает их от, казалось бы, весьма близких по кругу интересов «естественников», включая представителей физико-математического сообщества. Политика для них одновременно скучна и слишком сложна. Посему они, как и в рамках своей профессиональной деятельности, стремятся к поиску самого простого и оптимального решения любой проблемы. Даже оказываясь в политике – как бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, – они стремятся «все рассчитать» заранее и убедить себя, используя в том числе известные им простые математические формулы, в правильности сделанного выбора или принятого решения.

Именно потому небольшая, но значимая часть из них легко становится на путь радикализма или даже терроризма. Они видят в терроризме простые и конкретные решения сложных политических и мировоззренческих проблем. Им кажется возможным решить их серией взрывов или даже одним актом политически значимого суицида. Их консерватизм и любовь к порядку и систематическому устройству мира в свою очередь определяет выбор ими правой части политического спектра, где нет места экспериментам и новаторству.

Если же копнуть еще глубже – наверно, до дна, которое достигается на последних двух страницах последней главы книги, – то оказывается, что, согласно исследованиям, основанным на собранной в разных странах статистике, и профессиональная ориентация не является предметом сознательного выбора. Опять же кажущееся банальным и бытовым соображение, что нелюбимые (а то и аутичные) дети обычно выбирают инженерные и естественнонаучные дисциплины (что еще раз подтвердила книга Маши Гессен (2011) о советском математике Григории Перельмане и советских математических школах в целом), а общительные и открытые дети идут в гуманитарии, находит свое подтверждение в статистике развитых стран и любопытно преломляется в кругу радикалов. Авторы приводят данные исследований, согласно ко-

торым среди джихадистов, рекрутированных ИГИЛ¹ в Европе, исключительно высока доля людей с синдромом Аспергера (выражающимся в привязанности к простым и повторяющимся действиям, играм, практикам), а также аутистов (с. 153–154).

Но так было не всегда и не во всех ситуациях – о чем авторы исследования забывают упомянуть. Известная, если не сказать – классическая, работа Франсуа Фюре ([1995] 2001) и целый список работ других авторов показывают нам инженеров как родоначальников идеи строительства социализма и последовательных ее реализаторов (Шаттенберг [2002] 2011). Если мы обратимся к советской практике, то обнаружим, что в сталинском и особенно в послесталинском обществе правила бал именно инженеры. Именно они (согласно уже моим собственным подсчетам) составляли подавляющее большинство среди членов хрущевского и брежневского Политбюро и секретарей ЦК (например, Аверкий Аристов, Леонид Брежнев, Андрей Кириленко, Алексей Кириченко, Фрол Козлов, Алексей Косыгин, Георгий Маленков, Николай Подгорный, Николай Тихонов, Дмитрий Устинов, Никита Хрущев, Петр Шелест, Владимир Щербицкий) и были среди тех, кто отвечал за идеологические вопросы и международную политику (например, Юрий Андропов, Петр Демичев, Константин Катусhev, Екатерина Фурцева). Здесь можно найти серьезное противоречие с основными выводами рецензируемой книги, а можно и воспользоваться ею для серьезного разговора о том, как и почему инженеры принимали столь активное участие в «строительстве социализма», и чем этот социализм, который можно описать как государственный и который часто называют «казарменным», отличается от вариантов построения социализма и коммунизма, существующего в головах и книгах «несистемных» левых радикалов. Можно говорить о том, почему именно им, социалистам-гуманитариям, не удалось захватить власть и построить какой-то жизнеспособный и самостоятельный вариант «творческого» социализма. Или к каким результатам привела реализация их идей в западном обществе, пережившем в первой половине XX века период увлечения «технократией» (Akin 1977; Crabtree 1995). Однако для этого, разумеется, нужны новые и самостоятельные исследования, путь к которым открывают, казалось бы, совершенно непрофильные в этом отношении «Инженеры джихада». Очень хотелось бы увидеть их издание и на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамбетта, Диего и Стеффен Хертог. 2016. «Инженеры джихада. Инженеры человеческих душ? Социологические кластеры и судьбы...». Гефтер.ру, 8 апреля. Просмотрено 26 ноября 2016 г. (<http://gefter.ru/archive/18112>).
- Гессен, Маша. 2011. *Совершенная строгость: Григорий Перельман. Гений и задача тысячелетия*. М.: Астрель, Corpus.
- Фюре, Франсуа. [1995] 2001. *Прошлое одной иллюзии*. М.: Ad Marginem.
- Шаттенберг, Сюзанна. [2002] 2011. *Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором*. М.: РОССПЭН.
- Akin, William E. 1977. *Technocracy and the American Dream: The Technocrat Movement, 1900–1941*. Berkeley: California University Press.
- Crabtree, James Dowell. 1995. *Progressivism, the New Deal, and the Technocratic Movement of the 1930s*. Dayton, OH: Wright State University.

---

¹ Организация, запрещенная в России.